

УДК 821.161.2

Е.И. Петухова**ПРОБЛЕМАТИКА «ВОСТОЧНЫХ» СТИХОТВОРЕНИЙ
ОЛЕГА ЛАДЫЖЕНСКОГО**

Харьковский писатель-фантаст Олег Ладыженский, являющийся участником творческого дуэта, выступающего под псевдонимом Генри Лайон Олди (совместно с Дмитрием Громовым), известен не только, как прозаик, но и как автор многочисленных поэтических произведений. Стихотворения, написанные ним, являются неотъемлемой частью рассказов, повестей и романов Олди. Вместе с тем, поэзия Ладыженского существует и сама по себе, вне его прозы. К настоящему времени издано несколько поэтических сборников Олега Семеновича («Вполголоса», «Мост над океаном»), в харьковской студии «М-Арт» записаны три аудио-диска с песнями на его стихи: «Я обещаю вам сады...», «Баллада двойников» и «Тихая баллада» [3, с. 455].

К сожалению, эта часть творчества О. Ладыженского в отличие от его прозаических произведений изучена недостаточно. Упоминания о поэтических опытах одного из Олди встречаются практически в каждом из исследований, посвященных творчеству харьковского тандема. Так, говорится о них в таких известных работах, как «Миры Генри Лайона Олди» Е.В. Харитоновой, «Ожидающие на перекрестке» И.В. Черного, в недавно вышедшей книге Ю. И. Андреевой «Триумвират». Однако собственно анализа стихотворений здесь нет. Отдельных же исследований поэзии Ладыженского очень мало. Преимущественно это журнальные и сетевые отклики на то или иное стихотворное произведение. Исключением является статья Д. Коденко «Меж слов и строк...», опубликованная в качестве послесловия к сборнику «Мост над океаном» (2005) [3]. Работа эта не столько литературоведческого, сколько публицистического характера. Стихи О. Ладыженского рассматриваются в ней в контексте поэтических опытов других современных писателей-фантастов (А. Валентинова,

В. Крапивина, Е. Лукина) и служат доказательством выдвинутого в начале статьи тезиса о том, что поэзия и фантастика – «близнецы-братья» [3, с. 439]. В данной статье мы попытаемся частично восполнить имеющийся пробел, сосредоточив внимание на проблематике «восточных» стихотворений харьковского писателя и поэта, в частности, рассмотрев его рубаи.

Поэзия Ладыженского весьма разнообразна в жанровом и тематическом плане. Есть у него и интимная лирика, и философская, и стихи о поэте и поэзии, сатира, не очень большое количество гражданской лирики (впрочем, в последнее время обращения поэта к данной теме стали более частыми). Среди жанровых форм излюбленными являются сонет, хокку, рубаи. Значительное место в творчестве поэта занимает восточная тема. Восток вообще часто появляется в произведениях Г.Л. Олди. Это и индийские мотивы (трилогия «Черный Баламут», основывающаяся на сюжетах из «Махабхараты»), и китайские (роман «Мессия очищает диск»), японские (роман «Нопэрапон»), иранские (роман «Я возьму сам») и т.п. Как и в большинстве сочинений харьковского дуэта, здесь в прозаических текстах присутствуют стихотворные вставки, принадлежащие перу О. Ладыженского. Как правило, это умелые стилизации под восточную поэзию.

«Стилизации Ладыженского, – замечает в этой связи Д. Коденко, – на стилизации не похожи. Они похожи на НАСТОЯЩУЮ восточную поэзию. Может быть, дело в том, что, создавая мир, описывая его, писатель-поэт вливается в эту действительность намного глубже и подробнее, чем просто поэт? А может, еще и в том, что, кроме таланта соиздать, есть еще редкий талант воссоздавать, почти по-актерски (что не удивительно для Олега, режиссера и актера театра) проживать отрезки чужой жизни? Слышать краем души ненаписанные стихи Хайяма, аль-Мутанабби или Басё – и доносить их до нас?» [3, с. 450]. В «восточных» стихах Ладыженского, справедливо указывает далее исследователь, «соблюдены правила формы, и бейты стоят так, как им и положено, и внешняя рифма перекликается с внутренней подрифмовкой» [3, с. 450].

Наиболее часто встречающимся жанром среди «восточных» стихотворений О. Ладыженского являются рубаи – особая форма четве-

ростиший, лучше всего представленная творчеством средневекового поэта Омара Хайяма. Рубаи состоят из четырех строк, из которых первая, вторая и четвертая зарифмованы. Первые две строки (бейт) образуют посылку, в третьей сформулирован вывод, усиливающийся афористичным выражением в заключительной строке. Известны рубаи-описания, рубаи-драмы и рубаи-панегирики.

Среди рубаи Ладыженского преобладают первые две из вышеупомянутых трех форм. Их проблематика весьма разнообразна. Чаще всего это философские раздумья о сущности бытия, о месте человека в природе. Так, например, поэт говорит о сиюминутности, быстротечности жизни:

Вы считаете, рок безнадежно суров?

Но ведь нет ничего ни в одном из миров,

Что избегло бы участи мяса парного:

Стать жарким в полыханьи вселенских костров! [3, с. 67]

Видно, что здесь форма рубаи соответствует классической лишь чисто формально, следуя правилам рифмовки строк ААБА. На самом деле в первом бейте нет четко сформулированной посылки, а вывод формулируется не в одной, а в трех строках. Несколько не соответствует восточному мировоззрению и идейное содержание стихотворения. По своей сути оно ближе барочному восприятию человека, как игрушки в руках рока.

Примерно то же мы видим и в другом четверостишии:

Раздавалась во мраке судьбы похвальба:

«Ради шутки на трон вознесла я раба,

А в придачу к венцу наградила проказой!» -

И смеются над шуткой скелеты в гробах... [3, с. 67]

Быстротечность, бренность жизни человека усиливается барочным тезисом о том, что весь мир – театр, а люди в нем – актеры, что жизнь соткана из черных и белых полос, и рядом с радостными моментами неизменно присутствуют и события драматические. Таким образом, это образцы рубаи-драм.

Почти в том же ключе написаны и рубаи, в которых затронута проблема отношений Бога и человека. Для Г.Л. Олди это особая

тема. У них есть большой прозаический цикл, названный исследователями «Люди, боги и я», в который входят историко-мифологические романы, в том числе и все «восточные». «В центре каждого из мифологических романов Олди, – пишет И.В. Черный, – находится главная проблема: взаимоотношения людей и богов. Решается она всякий раз по-новому, исходя из материала, используемого авторским дуэтом. Однако есть в них и одна общая метатема: распад, разрушение политеистической системы верований, уступающей место монотеизму с единым Богом, и, как следствие этого, ожидание прихода Мессии» [5, с. 505]. Исследователи в этой связи часто задаются вопросом: верят ли сами Олди в Бога/богов? Ответить на него однозначно нельзя. Ведь авторская позиция, выражаемая в тексте, не всегда соответствует внутреннему мироощущению писателя в реальности. В тех же рубаи, написанных на религиозную тематику, видна разность позиций Хайяма и его современного эпигона. Отношения восточного поэта с Аллахом только на первый взгляд кажутся конфликтными. На самом деле Хайям исполнен благоговения перед величием Творца. Совсем иная картина у О. Ладыженского.

Когда-то был Аллах, и рай, и сатана,
И доброе вино... Но мчатся времена:
Аллаха больше нет, нет сатаны, нет рая,
И что страшней всего – нет доброго вина! [3, с. 68]

Стихотворение явно шуточное и богоборческое. Сама мысль о том, что Бог/Аллах может «умереть» вместе с сатаной и адом, типична скорее для ницшеанства, а не для восточной философии суфизма, которой пронизаны стихи Хайяма.

Среди рубаи-описаний О. Ладыженского центральное место занимают стихи о писательском труде. Эта тема также одна из главных в творчестве харьковского тандема. С особой силой она звучит в романах «Нопэрапон, или По образу и подобию», «Я возьму сам» и «Орден Святого Бестселлера». О творческой лаборатории писателя-фантаста много говорится и в литературоведческих работах Д. Громова и О. Ладыженского. Часто соавторам приходится полемизировать со своими оппонентами, журнальными и сетевыми критиками. Отголоски этой полемики звучат и в поэзии Олега Семеновича:

Написал я роман – а читатель ворчит.
Написал я рассказ – а читатель ворчит.
Я все время пишу – он все время читает
И – Аллах мне свидетель! – все время ворчит!.. [3, с. 71]

И вместе с тем поэт видит определенную преемственность в разных периодах мировой литературы. История развивается не скачками, а по спирали:

От Архимеда цифр до ядерных оков
Проложен длинный путь, он – не для дураков.
От древних рубайят до песен современных –
Один короткий шаг через толпу веков. [3, с. 70]

Рубаи-панегириков у Ладыженского относительно немного. Здесь, как и в традиции, в основном возносятся похвалы конкретным людям, возлюбленной, порой самому себе. Так, сопоставляя себя с великими авторами прошлого, повлиявшими на творческое становление его, как поэта, О. Ладыженский пишет:

Был пьяницей Омар – и я люблю вино.
Был вором Франсуа – и я залез в окно.
Взгляните на меня! Я соткан из достоинств!
А то, что не поэт, – так это все равно... [3, с. 71]

Видно, что это не столько панегирик, сколько автошарж. Поэт иронизирует, не злобно подшучивает над самим собой. Те же настроения присутствуют и в другом известном четверостишии:

Мне приснилось, что я – муж большого ума,
Чужд греху, чужд пороку, серьезен весьма,
Не курю и не пью, честен, верен супруге...
Пощадите! Помилуйте! Лучше тюрьма!!! [3, с. 72]

Несколько особняком от основного массива рубаи Ладыженского стоит цикл под названием «"Новорусский" рубайят "Пацан Хайям"», имеющий явно пародийную, сатирическую направленность. Впервые стихотворения из этого, ставшего весьма популярным среди поклонников творчества поэта-писателя цикла появились в повести «Давно, усталый раб, замыслил я побег...», вошедшей в сборник «Ваш выход» (2002). Здесь один из персонажей, «новый русский»,

возомнил себя наследником Омара Хайяма и стал сочинять рубаи. Но особенности менталитета, образования, среды наложили отпечаток на поэтику этих стихов. Они написаны с использованием так называемого «братковского» сленга, с его характерной лексикой, вроде «пацан» (в значении «свой парень»), «распальцовка» (похвальба), «бугор» (начальник), «мент» (милиционер) и т.п.

Проблематика «Новорусского рубайята», в принципе, мало чем отличается от той, которая затрагивается О. Ладыженским в его «серьезных» рубаи. Здесь поднимаются и вопросы мироздания, и отношения человека с Богом, и даже проблема поэта и поэзии. Например, «Пацан Хайям» обращается к Всевышнему с вопросом, что ожидает его после смерти:

Я на Страшном суде озадачу Творца,
Рассказав про доходы, про дачу Творца,
Про уход от налогов, про рэкет, про взятки...
Что молчишь, господин? Опровергни истца! [3, с. 77]

По сути, лирический герой ставит серьезную проблему, занимавшую умы мудрецов не одно тысячелетие. Как может Бог терпеть беззаконие, творимое людьми? Где пределы терпения Господня? И в чем смысл существования человечества?

Я пришел ненадолго, я завтра уйду,
Счет забытого долга, я завтра уйду,
Клык убитого волка, пустая обойма,
Без базара пришел, без базара уйду... [3, с. 77]

Лишь это сленговое выражение «без базара» и отличает «новорусское» рубаи от обычного, в котором поднят тот же гамлетовский вопрос и присутствует шекспировский образ принца датского, взвешивающего на череп шута Йорика:

Этот череп – тюрьма для бродяги-ума.
Из углов насмехается пыльная тьма:
«Глянь в окно, неудачник, возьмишь за решетку!
Не тебе суждена бытия кутерьма!...» [3, с. 67]

Нехитрая «братковская» философия жизни «по понятиям» с наибольшей силой выражена в самом известном четверостишии «Пацана Хайяма»:

Надо жить по понятиям – понял, братан?!
Если ты мне, то я тебе – понял, братан?!
А когда нас судьба разведет на мизинцах –
Ну и за ногу мать ее! Понял, братан?! [3, с. 75]

За внешней показной бравадой скрывается обреченность, то же барочное мировосприятие, что и в «серьезных» рубаи. Какой выбор ни сделай, как ни живи, все равно конец один. От судьбы, от безжалостного рока никуда не уйти.

Пацаны, я торчу! Мы фильтруем базар,
Нас не вяжут менты и не косит шиза,
Но бугор наверху – еще тот отморозок!
Мне прислали маляву: он всех заказал!.. [3, с. 75]

Таким образом, «восточные» стихотворения О. Ладыженского, в частности, рубаи, разнообразны в жанровом и тематическом отношении. Основными проблемами, затрагиваемыми автором как в «серьезных» стихотворениях, так и в явно пародийном «Новорусском рубайяте», являются вопросы смысла человеческого бытия, назначения поэта и поэзии, особенностей отношений человека с Богом, критика отдельных пороков и недостатков людей. В плане дальнейших исследований интересным было бы рассмотреть соотношение рубаи Ладыженского с другими жанровыми формами его «восточной» поэзии, в частности, касыдами. С другой стороны, любопытно сравнить проблематику, волнующую харьковского писателя-фантаста, с теми вопросами, которые затрагивают в своих стихах другие коллеги О. Ладыженского по цеху: А. Валентинов, Е. Лукин и т.п.

Литература

1. Андреева Ю.И. Триумвират: Творческие биографии писателей Генри Лайона Олди, Андрея Валентинова, Марины и Сергея Дяченко / Ю.И. Андреева. – СПб.: АураИнфо, Изд-во «Андрей Буровский», 2013. – 344 с.
2. Коденко Д. «Меж слов и строк...» / Д.Коденко // Ладыженский О.С. Мост над океаном: Избранные произведения. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – С.435-453.
3. Ладыженский О.С. Мост над океаном: Избранные произведения / О.С. Ладыженский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 464 с.

4. Харитонов Е. Миры Генри Лайона Олди / Е. Харитонов // Олди Г.Л. Пасынки восьмой заповеди. – М.: Эксмо-Пресс, 1996. – С.425-438.

5. Черный И.В. Ожидающие на перекрестке (Очерк творчества Генри Лайона Олди) / И.В. Черный // Олди Г.Л. Песни Петера Сялядека. – М.: ЭКСМО, 2004. – С.488-542.

Анотація

О.І. Петухова. Проблематика «східних» віршів Олега Ладиженського.

Статтю присвячено творчості сучасного харківського письменника-фантаста Олега Ладиженського, який у співавторстві зі своїм земляком Дмитром Громовим працює під псевдонімом Г.Л. Олді. Метою було дослідження проблематики його «східних» віршів, зокрема рубаїв. Розглянуто жанрову специфіку цих творів і визначено, що серед них переважають рубаї-драми та рубаї-описи. Центральними проблемами тут є питання змісту людського буття, стосунків Бога й людини, призначення поета й поезії. Кількість рубаїв-панегіриків незначна. У них, як і у традиції, підносяться похвали конкретним людям, коханій, інколи самому собі. Окремо серед рубаїв О. Ладиженського виділяється так званий «Новоруський рубайят», який має виразну пародійну, сатиричну спрямованість. Ці вірші написані з використанням «братківського» сленгу з його специфічною лексикою. Попри це проблематика «новоруських» рубаїв поета мало чим відрізняється від тої, яку піднімає Ладиженський у «серйозній» східній поезії. Головною проблемою тут стає те саме питання щодо швидкоплинності людського буття, жорстокості долі, невблаганності Творця.

Ключові слова: поезія, стилізація, рубаї, алюзії, сленг.

Аннотация

Е.И. Петухова. Проблематика «восточных» стихотворений Олега Ладыженского.

Статья посвящена творчеству современного харьковского писателя-фантаста Олега Ладыженского, который в соавторстве со своим земляком Дмитрием Громовым работает под псевдонимом Г.Л. Олди. Целью было исследование проблематики его «восточных» стихотворений, в частности рубаи. Рассмотрено жанровую специфику этих произведений и определено, что среди них преобладают рубаи-драмы и рубаи-описания. Центральными проблемами здесь является вопрос смысла человеческого бытия, отношений Бога и человека, назначения поэта и поэзии. Количество рубаи-панегіриков незна-

чительно. В них, как и в традиции, возносятся похвалы конкретным людям, любимой, иногда самому себе. Особняком среди рубаи О. Ладыженского выделяется так называемый «Новорусский рубайят», который имеет ярко выраженную пародийную, сатирическую направленность. Эти стихи написаны с использованием «братковского» сленга с его специфической лексикой. Несмотря на это проблематика «новорусских» рубаи поэта мало чем отличается от той, которую поднимает Ладыженский в «серьезной» восточной поэзии. Главной проблемой здесь становится тот же вопрос о быстротечности человеческого бытия, жестокости судьбы, неумолимости Творца.

Ключевые слова: поэзия, стилизация, рубаи, аллюзии, сленг.

Summary

E.I. Petuhova. The Problems of “Oriental” Poetry by Oleg Ladyzhensky.

The article is devoted to the works of Kharkov modern science fiction writer Oleg Ladyzhensky, who co-authored with his countryman Dmitry Gromov under the pen-name of G.L. Oldi. The aim of the paper is to investigate the problems of his “oriental” poems, in particular, Ruba’i. Genre specific of these works has been examined and the conclusion has been made that Ruba’i-dramas and Ruba’i-descriptions prevail among these works. The central problems here are the question of the meaning of human existence, the relationship between the God and the man, the destination of the poet and poetry. The number of Ruba’i-panegyrics is not large. They sing the praises of particular persons: of the beloved ones and of himself, as it occurs in a tradition. The so-called “Novorussky Rubaiyat” which has a strong parody, satiric direction takes a separate place. These poems are written using “bratkovsky” slang with its specific vocabulary. Despite this fact, the problems of “new Russian” Ruba’i of the poet-writer is not much different from that one Ladyzhensky touches in his “serious” oriental poetry. The main problem here becomes the same question about the transience of human life, the cruelty of fate, and the inexorable Creator.

Key words: poetry, stylization, ruba’i, allusions, slang.

Інформація про автора

Петухова Олена Іванівна: ORCID: 0000-0003-2368-3177; кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов Харківського національного економічного університету імені Семена Кузнеця; пр. Леніна, 9а, м. Харків, 61166, Україна